

© 2025. Н. И. Николаев, Е. Ю. Шестакова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
г. Архангельск, Россия

Детство в художественном мире Н. М. Карамзина и Ж.-Ж. Руссо. Особенности нарративной стратегии

Аннотация: Целью статьи является рассмотрение нарративных стратегий в отечественной и западноевропейской прозе о детстве XVIII – начала XIX в. Материалом исследования стали романы Н. М. Карамзина «Рыцарь нашего времени» и Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании». В произведении Карамзина на декларативном уровне сохраняется традиционный взгляд на детство героя как на период подготовки к будущей жизни. Однако в принципах изображения он отходит от этой логической конструкции и подвергает сомнению линейную взаимообусловленность различных периодов жизни героев. Нарративная стратегия Ж.-Ж. Руссо базируется на иных принципах. В основе повествовательной структуры доминирует концепция «линейного времени». Детство героя оказывается значимым лишь в перспективе следующих жизненных периодов.

Ключевые слова: нарративные стратегии, художественная модель, тема детства, русская литература, французская литература, Н. М. Карамзин, Ж.-Ж. Руссо.

Информация об авторах: Николай Ипполитович Николаев, доктор филологических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9141-5521>

E-mail: n.nikolaev@narfu.ru

Елена Юрьевна Шестакова, кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 20.08.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 19.11.2024

Дата публикации статьи: 25.03.2025

Для цитирования: Николаев Н. И., Шестакова Е. Ю. Детство в художественном мире Н. М. Карамзина и Ж.-Ж. Руссо. Особенности нарративной стратегии // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 6–23. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-6-23>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 6–23. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 6–23. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Nikolay I. Nikolaev, Elena Yu. Shestakova
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Arkhangelsk, Russia

Childhood in the Artistic World of N. M. Karamzin and J.-J. Rousseau. Features of the Narrative Strategy

Abstract: The article aims to consider narrative strategies in Russian and Western European prose about childhood in the 18th and early 19th centuries. The research relies on the novels *A Knight of Our Time* by N. M. Karamzin and *Emile, or On Education* by J.-J. Rousseau. The work of Karamzin preserves the traditional view of the character's childhood as a period of preparation for future life at the declarative level. However, in the principles of depiction, he departs from this logical construction and questions the linear interdependence of different periods of the heroes' lives. The text published by him is presented as an artificially interrupted narrative, which involuntarily emphasizes the intrinsic value of the character's childhood. This effect is enhanced by the use of idyllic time and space in the work. The narrative strategy of Rousseau is based on other principles. The narrative structure is dominated by the concept of "linear time." The character's childhood turns out to be significant only in the perspective of subsequent life periods.

Keywords: narrative strategies, artistic model, theme of childhood, Russian literature, French literature, N. M. Karamzin, J.-J. Rousseau.

Information about the authors: Nikolay I. Nikolaev, DSc in Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Northern Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9141-5521>

E-mail: n.nikolaev@narfu.ru

Elena Yu. Shestakova, PhD in Philology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Northern Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

E-mail: shestakova.lena2013@yandex.ru

Received: August 20, 2024

Approved after reviewing: November 19, 2024

Published: March 25, 2025

For citation: Nikolaev, N. I., and E. Yu. Shestakova. "Childhood in the Artistic World of N. M. Karamzin and J.-J. Rousseau. Features of the Narrative Strategy." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 6–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-6-23>

В научных представлениях сложилось устойчивое понимание существенного влияния на русскую литературу творчества Ж.-Ж. Руссо. По мнению исследователей, творчество французского писателя «занимает важное место в русской литературе последней трети XVIII века» [Алпатов: 9]. Через него отечественные авторы «осваивали сентименталистскую литературную парадигму» [Алпатов: 9]. О важном значении идей Ж.-Ж. Руссо писал Ю. М. Лотман, считая, что европейский писатель является «значительной фигурой» «для культуры тех лет», с него «начинается для русского читателя стремление понять через произведения — автора и через автора — произведения» [Лотман: 414, 413]. Известно, что Н. М. Карамзин был страстным поклонником французского писателя: «Руссо для него — святыня» [Гуковский: 75].

Однако из наблюдений и выводов современных исследователей литературной эпохи важным представляется и то, что «путь русской литературы кардинально отличается от европейских моделей» [Гончарова: 253–254]. В отечественной словесности происходило «осознание специфики собственных интеллектуальных горизонтов, очерченных необходимостью решения проблем *своего, коренного русского*» [Гончарова: 261]. Ю. М. Лотман выделял важную тенденцию — «потребность преодоления идей “руссоизма”», «отталкивание от идей “женевского философа”» [Лотман: 414]. Со временем Н. М. Карамзин начинает «спор» с Ж.-Ж. Руссо [Лотман: 439].

В русской литературе XVIII – начала XIX в., с ее особенным вниманием к проблеме воспитания, формируется оригинальная художественная модель детства, создаваемая в ряду прочего особенной нарратологической стратегией — «комплексом базовых риторических параметров повествовательного высказывания» [Тюпа 2021: 183], предполагающего «ретрансляцию событийного опыта» [Иовва: 124]. В своем неоконченном романе «Рыцарь нашего времени» (1803) Н. М. Карамзин в очередной раз (после первого опыта в повести

«Евгений и Юлия») обращается к теме детства. Главным «событием» произведения, то есть «онтологическим сопряжением того, что происходит, и того, кто свидетельствует об этом» [Женетт: 307], становится изображение детства центрального героя Леона. Карамзин нарочито отказывается от привычных художественных решений в изображении его жизненного пути. В разделе «Вступление», предшествующем основному развитию действия, автор заявляет о том, что «с некоторого времени вошли в моду *исторические романы*» [Карамзин: 584]. В них «тревожится священный прах Нум, Аврелиев, Альфредов, Карломанов» [Карамзин: 584]. Всплывает образ «*тесного домика*», из которого «вызываются древние герои» [Карамзин: 584].

По существу, Н. М. Карамзин формулирует для себя новую художественную задачу: отказываясь от фабулы «*исторического романа*», повествовать о «*романической истории* одного моего приятеля» [Карамзин: 584]. Он стремится воплотить «стратегию жизнеописания», когда «рассказываемая история выстраивается как непрямолинейная траектория существования, проходящая через различные ситуации событийности» [Тюпа 2018: 22].

Однако эта «стратегия жизнеописания» «приятеля»-современника оказывается не в полной мере реализованной ввиду неожиданно прерванного повествования. Вслед за публикацией своего неоконченного романа Н. М. Карамзин перейдет к активной разработке исторической темы, но не в жанре «исторического романа», от опыта которого он так демонстративно отказался во «Вступлении», а в жанре, тяготеющем к летописи (не случайно он назван А. С. Пушкиным «последним летописцем»). Все это актуализирует суждения о смене парадигмы в творчестве писателя в его литературном осмыслении современности, которая в период создания «Истории государства Российского» рассматривается им уже как продукт исторического созидания. Этой «сменой парадигмы», как бы «внезапно настигнувшей» Н. М. Карамзина в период создания «Рыцаря нашего времени», и может объясняться незаконченность романа. Эта версия, вполне органично укладывающаяся в биографию писателя, представляется достаточно убедительной. Хотя есть основания внести некоторые уточнения в интерпретацию этого события.

А. С. Янушкевич, обращая внимание на тот факт, что первоначально при публикации в «Вестнике Европы» Н. М. Карамзин, «доведа по-

вестование до 14 главы, ... неожиданно обрывает его (роман — *Н. Н., Е. Ш.*), и произведение незаконченным вышло в свет» [Янушкевич: 16], вместе с тем отмечает, что позднее, в 1820 г., подготавливая собрание сочинений, писатель «включил произведение в том же самом виде, что и в журнальном варианте», прибавляя: «Продолжения не было» [Янушкевич: 16]. И это новое «прибавление» к варианту текста из «Вестника Европы» носит совершенно не случайный характер. Оценивая текст «Рыцаря нашего времени» в его итоговом виде, О. Б. Лебедева пишет: «Таким образом, во внешней сюжетной оборванности повествования обнаруживается подчеркнутый писателем эстетический смысл. Незаконченность романа подана не как факт истории его создания, но как его органичная жанровая форма» [Лебедева: 393].

«Эстетический смысл» этой «органической жанровой формы» раскрывается с учетом ряда уже отмеченных ранее в литературоведении особенностей поэтики романа Н. М. Карамзина. Прежде всего, это игровое начало [Завьялова], на котором основана его конструкция. В эту концепцию органично вписывается отказ завершать историю при четко заявленном намерении повествователя ее продолжать.

Игровая манера в прозе Н. М. Карамзина, в том числе и в рассматриваемом произведении, восходит, очевидно, к эстетике Л. Стерна, связь с которой русского писателя уже не раз обращала на себя внимание исследователей («в литературной школе Карамзина значительное место принадлежит Лоренсу Стерну» [Канунова: 264]).

А по наблюдениям В. Б. Шкловского, своеобразие прозы Л. Стерна заключается в следующем: здесь «событийная связь заменяется тем, что читатель ждет прямого повествования, а вместо этого все время получает отклонение, причем автор все время поддерживает ожидание читателя на скорое возвращение к основной теме...» [Шкловский: 216].

В такую повествовательную стратегию вполне вписывается и нарочитая незавершенность романа Н. М. Карамзина. При этом совершенно необязательно, что такая установка сложилась у писателя сразу, в процессе подготовки первой публикации. Но при повторном издании незавершенного романа она становится вполне осознанной художественной формой, фокусирующей внимание на новых, ранее не актуализированных смыслах.

К новым смысловым акцентам в «Рыцаре нашего времени» во второй редакции следует отнести то, что детство героя неизбежно стано-

вится самодостаточным предметом изображения, не рассматривается в непосредственной связи с последующими возрастными периодами, не представлено в качестве исключительной подготовки к взрослой жизни, как это трактовалось в предшествующей русской литературной традиции. Принцип замкнутости становится определяющим во временной стратегии повествования, сосредоточенного на изображении только детских лет Леона. При этом Н. М. Карамзин несколько не сомневается, что основные события жизни героя еще впереди, и как бы оттеняет свою уверенность ненавязчивой оговоркой: «Но мы не хотим заранее открывать будущего» [Карамзин: 587]. Подчеркнем, важным в смысловых установках русского прозаика во второй публикации неоконченного романа становится не отказ от описания взрослой жизни героя, а сфокусированное описание подробностей его детства, поскольку именно в этой теме он заявляет о себе как о безусловном новаторе в русской литературе, и делает он это в выбранной им игровой манере.

В основе художественной концепции карамзинского романа лежит представление о вторичности детства героя, его малозначимости в истории человеческой жизни. Такой подход, очевидно, доминировал в предшествующей Н. М. Карамзину отечественной литературе XVIII столетия. В своих рассуждениях автор «Рыцаря нашего времени» сознательно подчеркивает, что детство в силу своей упрощенности неинтересно для искушенных людей. Модель детства здесь строится с учетом привычных для читателя установок, обусловленных тактикой воспитательного воздействия. В духе традиций, заложенных еще журналом «Детское чтение для сердца и разума», в составе творческого коллектива которого Н. М. Карамзин начинал свою жизнь в литературе, автор указывает на то, что, по его мнению, должно сопутствовать правильному воспитанию: тепло и забота матери, круг чтения, чувство собственного достоинства воспитуемого. Путь становления Леона описывается как поступательное движение, связанное с достижением некой цели. Герой меняется под воздействием событий внешнего мира: «впечатлелось в его душе», «сердце вкусило», «душа зреет» [Карамзин: 589–593]. Все это напоминает процесс наполнения изначально порожнего сосуда человеческой души значимым для его будущей жизни содержанием, совсем в духе педагогических концепций, господствующих в это время в России, в том числе, и в литературном дискурсе.

Однако в «Рыцаре нашего времени» изображение детства героя никак не представлено в своей связи с последующими жизненными этапами. Напротив, писатель сосредоточен на описании детства Леона как особого, совершенно самостоятельного времени. Такая творческая установка в художественном плане отсылает Н. М. Карамзина к опыту идиллии. На эту особенность «Рыцаря нашего времени» уже обращено внимание исследователей [Краснощекова: 8].

Изображая картины природы, Н. М. Карамзин выделяет в них идиллические черты. Ведущими пейзажными образами здесь становятся берег Волги, кусты ореха, дуб и наслаждающийся чтением мальчик.

Описывая жанр идиллии, М. М. Бахтин выделял ее существенные черты: «прикрепленность жизни» и «событий» «к родной земле» и «родному дому» [Бахтин: 374]. Пространственные границы мира детства карамзинского героя характеризуются замкнутостью, отъединенностью от остального мира. Перечисляя топографические ориентиры (луг, Волга, река Свияга, небольшая деревня), автор воссоздает ограниченный идиллический локус.

В «Рыцаре нашего времени» отчетливо соединяются две противоположные тенденции: трактовка детства как жизненного периода, не стоящего пристального внимания, и наполненность этого времени в биографии героя чертами идиллической гармонии, что, по существу, декларирует иной взгляд на детство, которое видится «счастливым временем», «истинно Аркадией жизни» [Карамзин: 586]. Леон испытывает чувство счастья, безмятежности, наслаждается каждым моментом бытия. Идиллическая атмосфера, в которой он живет, способствует тому, что его «душа образовалась любовью и для любви» [Карамзин: 587–588]. При этом автор нарочито отказывается от изображения подробностей этой счастливой жизни, не насыщенной яркими событиями. Он уподобляет детство «прекрасному лужку» [Карамзин: 587], который достоин лишь нескольких слов, но не детального изображения. Н. М. Карамзин иронично замечает, что описание счастья и безмятежности героя может читателям навеять скуку, перетекающую в сладкий сон. Поэтому в центре внимания повествователя окажутся глубокие переживания, внутренние «бури» героя.

Особенность нарративной стратегии, воплощенной в «Рыцаре нашего времени», заключается в стремлении «ослабить» взаимосвязи между различными событиями жизни Леона и его окружения. Отдельные

эпизоды детства обретают самостоятельное значение. Одно событие не обязательно вытекает из другого. Каждый последующий эпизод в повествовании появляется без отчетливой логической последовательности. Так, нежная родительница Леона благодарна мужу за его доброе сердце, возможность любить и быть любимой. Она шла под венец в ожидании долгой счастливой жизни с супругом. Однако ее надежды не оправдались. В молодом возрасте она покидает земной мир. Причиной скорого ухода становится всего лишь простуда, случайно возникшая от дуновения «северного ветра», который «погасил факел жизни» [Карамзин: 590]. Мать Леона «с мягкой постели» перемещают «в гроб — а там и в землю» [Карамзин: 590] и оказывается всеми забытой.

В тексте Н. М. Карамзина особое внимание уделяется описанию круга чтения героя. Благоприятное влияние чтения на воспитание детей — один из ключевых моментов педагогической концепции, сформированной в кругу Н. И. Новикова, из которого выходит Н. М. Карамзин. Для его читателей эта ожидаемая подробность из истории детства героя. Правда, представлена она здесь в несколько необычном ракурсе. Из книг ребенок впитывает важные представления о добре и зле, добродетели и пороке, духовной красоте и нравственном уродстве. Именно книги ему подсказали, что «...добродетельный всегда побеждает, а злодей гибнет!» [Карамзин: 593]. При этом Н. М. Карамзин недвусмысленно намекает, что чтение не дает реального представления о мире. В книгах изображается нравственный идеал, не имеющий отношения к действительности. Автор с высоты своего жизненного опыта восклицает: «Ах! Леон в совершенных летах часто увидит противное» [Карамзин: 593]. В результате, вопреки распространенному мнению и ожиданию читателей, чтение не готовит Леона к жизни, между книжным знанием и действительностью отсутствуют прямые причинно-следственные связи.

Еще один важный эпизод «Рыцаря нашего времени» связан с описанием отношений отца Леона с его друзьями. Собравшись в доме героя на празднование дня рождения, они организуют «братское общество» и подписывают своеобразный «договор». Его содержание полно высокой патетики. Друзья договорились поддерживать друг друга в трудную минуту, соблюдать «единодушие» и делать все для «общей пользы дворянства» [Карамзин: 597]. Однако никакие великие свершения за этим событием не последуют. Все обернется обыденной

провинциальной жизнью, финалом которой станет тихий уход членов братства в небытие.

История отношений юного Леона с графиней призвана раскрыть пробуждение первых признаков любовных переживаний героя. Но и этот эпизод лишен смысловой завершенности. Героем движет простое детское любопытство. Поведение графини обусловлено импульсами нерастраченной женственности. В описании ее жизни не случайно упоминание о несостоявшемся романе с «томным Н*» [Карамзин: 602]. Эти отношения не получили никакого развития, а признание супругу о любовных письмах «томного Н*» не родили в нем даже признаков мужской ревности. Автор иронично отмечает, что с ним графиня живет в полном согласии и покое, не требуя открытого проявления чувств и душевного тепла.

Иными словами, все надежды, ожидания, приготовления карамзинских героев не имеют никакого продолжения в их будущей судьбе. Их жизнь течет размеренно и неторопливо, в ней не находят места ни великие события, ни испепеляющие страсти. Но при этом Н. М. Карамзин не устает напоминать читателю: то, что он изображает, представляется важным в связи с дальнейшей жизнью героев, полной разнообразных событий. И само это напоминание призвано разделить взрослую будущую жизнь героя и его детство на два совершенно разных этапа его биографии, не увязанных друг с другом линейной взаимообусловленностью, взаимозависимостью. Мир детства, который перестает оцениваться исключительно в логике подготовительного периода для взрослой жизни, начинает восприниматься как самоценный этап человеческой судьбы. В русской литературе Н. М. Карамзин находится на начальной ступени такой трактовки детства. Но для того, чтобы подойти к такому результату, требуется преодолеть инерцию традиционных подходов в изображении этого периода человеческой жизни: прежде всего, разорвать линейные связи со следующими этапами жизни, высветить позитивные аспекты детства героя, не обусловленные его будущим. Именно этого Н. М. Карамзин и добивается (может быть на первом этапе и не вполне осознанно), прервав повествование, нарушая привычные логические конструкции в построении биографии героя, с одной стороны, и, с другой, представляя это время в подчеркнуто идиллических тонах. Декларация взаимосвязи и взаимообусловленности детства и взрослой жизни героя в этих условиях становится

лишь данью традиции, к которой Н. М. Карамзин обращается в условно-игровой манере. А их фактическое противопоставление, отказ от раскрытия этой взаимосвязи представляет собой совершенно новые тенденции в русской литературной стратегии.

Несколько десятилетий спустя Л. Н. Толстой в своей повести «Детство» (1852) это противопоставление различных периодов в жизни человека возвысит до нового уровня его понимания, используя более совершенную технику изображения, подчеркивающую разность в мировосприятии ребенка и взрослого повествователя, то есть одного и того же лица, но в разные периоды своей жизни. На фоне такого решения карамзинская художественная техника выглядит архаичной и, возможно, несколько наивной. Но начиная с нее, заявляет о себе в русской литературе принципиально новый подход в понимании детских лет жизни героя. Влияние на эти новации открытий европейских авторов несомненно, хотя столь же очевидно и расхождение с ними в весьма значимых смысловых акцентах.

Развитию темы детства западноевропейская литература XVIII столетия обязана стремительному становлению в этот период жанра романа воспитания. В нем поднимаются проблемы взросления и формирования личности ребенка [Пашигорев: 12].

Ж.-Ж. Руссо является наиболее ярким представителем французского романа воспитания XVIII в. Предложенная им модель детства в книге «Эмиль, или О воспитании» (1762) строится с учетом опыта жанра идиллии, активно используемого им в процессе размышлений о проблемах воспитания. При этом художественная стратегия автора существенно отличается от концептуальных подходов к теме у русского прозаика. Детство Эмиля интересно автору прежде всего с точки зрения его взаимосвязи с последующими жизненными периодами. Одной из важных задач Ж.-Ж. Руссо стало представить картину развития, внутренних изменений, происходящих в душе взрослеющего ребенка. Писатель хотел показать судьбу Эмиля от периода его рождения до осознания своего места в мире, обретения призвания.

Роман Ж.-Ж. Руссо представляет собой «отвлеченный педагогический эксперимент» [Верцман: 84]. Его главный герой является объектом воспитательного воздействия. Учитель Эмиля выполняет роль образцового, идеального «воспитателя» [Валлон: 271]. В качестве нарративной техники как элемента структурирования текста используется

повествование от лица воспитателя героя, что позволяет выстроить особую «стратегию ретрансляции событийного опыта» [Иовва: 124]. Ж.-Ж. Руссо принадлежит важное утверждение о ценности детской личности, подчеркивание иного, по сравнению со взрослым человеком, восприятия окружающего мира. Писатель указывает читателю-современнику на безусловный в его оценке факт: «Детства не знают» [Руссо: 22]. Имеется в виду, что все обычно стремятся увидеть в ребенке будущую зрелую, состоявшуюся личность. При этом никто не задумывается над тем, кем ребенок является сейчас, до того, как повзрослеет. Призыв автора состоит в том, чтобы взрослые обращали прежде всего внимание на самого ребенка, видели в нем индивидуальность, неповторимость, уникальность.

В построении своей педагогической концепции Ж.-Ж. Руссо исходит из того, что ребенок обладает особым видением, отличающимся от взрослого человека [Валлон: 272]. «Диететический мир» (В. И. Тюпа) романа аксиологически насыщен, его система ценностей основывается на представлении о том, что детство в жизни человека занимает особое положение. Писатель стремится придать детству «свое место» (особенное) «в общем порядке человеческой жизни» [Руссо: 78]. Ему важно подчеркнуть в ребенке его личностные проявления, раскрыть представление о нем как о человеке, в котором уже заложено нравственное начало: «Пора... смотреть на ребенка как на нравственное существо» [Руссо: 76]. Ж.-Ж. Руссо призывает обратить внимание на «жизнь личности» ребенка, на то, что она рано «начинает сознавать самое себя» [Руссо: 76].

В основе предложенной им модели детства лежит принцип идиллического бытия. Гармоничная жизнь его героя проходит в тесной связи с миром природы. В хронологической структуре значимым элементом является то, что детство Эмиля проходит не в городе, а в деревне (провинции), где есть возможность любоваться прекрасными холмами, жить в «маленьком деревенском белом домике» [Верцман: 73]. И это не случайная деталь в авторских представлениях о счастливом детстве «среди полей», которые позволят ребенку «обновляться» и «восстанавливать... силу» [Руссо: 53–71]. М. М. Бахтин указывал на то, что именно Ж.-Ж. Руссо вводит в литературу образ природы как особый хронотоп [Бахтин: 232]. При этом пейзажные описания представлены здесь не в качестве удачного фона изображаемых событий, а как обязательный компонент программы воспитания героя.

Ж.-Ж. Руссо сравнивает растущего ребенка с садовым деревом, растением. В этом смысловом контексте учитель, воспитатель, который внимательно и тепло относится к детской душе, возвращая в ней чувствительность, доброту, любовь, уподобляется «садовнику», ухаживающему за деревом в саду. Сам процесс воспитания воспринимается как «переделка», «обработка» [Руссо: 22–25].

Характерной чертой художественного пространства в «Эмиле, или О воспитании» является его отграниченность от жизни «большого», взрослого мира. Сам по себе этот прием восходит к жанру идиллии. Окружающее пространство обозначено как «остров», в границах которого проходит счастливая жизнь героя. В связи с этим не случаен выбор круга чтения Эмиля. Центральное место в нем принадлежит роману Д. Дефо «Робинзон Крузо». Воспитатель намеренно создает в сознании мальчика образ окружающего мира как изолированного пространства. Поэтому «Робинзон Крузо» Д. Дефо — «первая книга, которую прочтет Эмиль» [Руссо: 212].

Влияние идиллии ощущается в изображении мира чувств, переживаний ребенка. Детство Эмиля проходит в окружении любви. Счастье осмысливается как непреложный закон существования маленького человека. Ж.-Ж. Руссо настаивает на этом в своем диалоге с читателем. Его удивляет равнодушное отношение к особому переживанию счастья ребенком, наслаждению игрой, бегом. Взрослые считают эти занятия праздным времяпрепровождением, однако именно из них складывается жизнь маленького человека.

Ж.-Ж. Руссо убеждает взрослых в том, чтобы они не лишали детей возможности испытывать счастье и наслаждаться жизнью. С его точки зрения, важным условием существования ребенка является свобода. Счастье, соединенное со свободой, позволяет «наслаждаться своим детством» [Руссо: 184].

В романе Ж.-Ж. Руссо процессу воспитательного воздействия на душу и личность героя придается первостепенное значение. Эмилю необходимо многое приобрести, чтобы достойно войти в зрелый возраст. Поэтому системное воспитание призвано восполнить недостающие знания о себе и людях, дать духовно-нравственные ориентиры. Впрочем, сами эти ориентиры выглядят неожиданно для современников писателя, он выделяет два направления в воспитании ребенка: гражданское и собственно «человеческое». В авторской ценностной

системе гражданскому воспитанию отводится второстепенное место. Ж.-Ж. Руссо утверждает, что ребенку ничего не дает понимание того, к какой национальности он принадлежит или какое занимает социальное положение. По-настоящему важным является воспитание «человека естественного» [Руссо: 28]. Это формирует целостность, гармоническое единство натуры ребенка. В то время как «человек-гражданин — это лишь дробная единица» [Руссо: 28].

Исключительно «гражданское» воспитание порождает внутренний конфликт, поэтому ребенок и не испытывает счастья. Путь выхода видится в необходимости «уничтожить в человеке противоречия», что влечет за собой «уничтожение великого препятствия на ... пути к счастью» [Руссо: 29].

Герой романа сознательно помещен в замкнутое пространство, в границах которого невозможно влияние социального мира. Ж.-Ж. Руссо настаивает на необходимости исключить на данном этапе становления своего героя всякое воздействие общества. Только это дает возможность воспитать в человеке самостоятельность суждений о себе и мире. Ребенок должен достичь возраста, когда сможет давать независимые оценки, и только тогда он окажется готов к жизни в социуме.

Таким образом, социальный мир изначально представляется как враждебный и агрессивный по отношению к человеку, входящему в него. При таком подходе детство неизбежно превращается в период адаптации к жизни в принципиально токсичной среде. Все усилия воспитания Эмиля направлены на то, чтобы сделать это вхождение в социальный мир как можно менее травмирующим, сохраняющим в ребенке тот нравственный потенциал, тот свет, с которым он пришел в этот мир и который, по-видимому, может быть оценен по своей природе как свет «не от мира сего».

Можно найти очень много точек соприкосновения в модели детства, предложенной в произведениях Ж.-Ж. Руссо и Н. М. Карамзина, что, безусловно, свидетельствует о значительном влиянии, которое французский просветитель оказал на русского прозаика. Оно угадывается в представлении детства как особенного периода человеческой жизни, не являющегося вторичным, «вспомогательным» по отношению к взрослому этапу, в понимании разности ценностных установок, которым следует ребенок и взрослый человек; оно заявляет о себе в технике изображения мира детства, использующей приемы описа-

ния идиллического пространства, замкнутого в себе и отделенного от остального мира. Обоих авторов объединяет трепетное отношение к теме внутренней свободы своих маленьких героев.

Но на этом фоне особенно отчетливо заявляют о себе те принципиальные расхождения, которые демонстрируют в своих произведениях русский и французский писатели XVIII столетия. Для Ж.-Ж. Руссо в его концептуальных подходах к изображению детства героя принципиальное значение имеет «линейное время», необходимое для обоснования глубокой взаимообусловленности различных этапов жизни человека, их сопряжения в жесткой логике причинно-следственных связей: правильное, выверенное воспитание — путь к счастью и гармонии. В самой этой логической конструкции нет ничего нового. Новое заявлено в самой трактовке детства, его содержании как существенного звена в цепи человеческой жизни, понимании сути того, как следует трактовать подготовку к взрослой жизни. В этом векторе поисков Ж.-Ж. Руссо важным становится утверждение: особенности детского мировосприятия, детской психологии следует не преодолевать, а сохранять и использовать как инструмент эффективного формирования взрослой личности. Идиллическое пространство в его модели мира не является естественной средой детства, оно создается усилиями воспитателя с целью оградить жизнь неокрепшей души ребенка от агрессивного внешнего воздействия.

В художественной модели мира, созданной Ж.-Ж. Руссо, было бы совершенно неоправданным ностальгическое восклицание из толстовского «Детства»: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!» [Толстой: 43]. В его концепции все ценностно значимое из детства может быть и должно быть сохранено в будущей жизни средствами правильного воспитания. Здесь нет чувства невозможной утраты, обусловленной принципиальным отличием ребенка от взрослого человека. Оно противоречит логике линейного построения судьбы героя.

Н. М. Карамзин в «Рыцаре нашего времени» в своих рассуждениях тоже, казалось бы, следует логике построения «линейного времени», которому подчинена судьба его героя. Но в его произведении это следование остается значимым лишь на декларативном уровне. Неожиданно прерванное повествование разрушает эту логическую конструкцию. Мы не знаем и не можем предположить, каким образом детский опыт героя отзовется в его взрослой жизни. Идиллический хронотоп у Н. М. Карамзина не является продуктом педагогического

эксперимента, как у Ж.-Ж. Руссо, он отнесен к характеристике естественного состояния мира детства, представленного здесь самодостаточным и замкнутым в своем ценностно-смысловом измерении.

Показательно то, что сложившаяся в «Рыцаре нашего времени» Н. М. Карамзина концепция детства была им в некотором смысле предвосхищена в его более ранней повести периода сотрудничества с Н. И. Новиковым в журнале «Детское чтение для сердца и разума». Сюжет «Евгения и Юлии» (1789) не осложнен приемом прерванного повествования, но и здесь время детства, взросления героев отделено от их взрослой жизни неожиданной смертью Евгения, разрушившей планы действующих лиц и ожидания читателей. При этом само детство героев также протекает в замкнутом идиллическом пространстве.

По-видимому, в «Рыцаре нашего времени» Н. М. Карамзин сознательно следует конструктивной логике европейского романа воспитания. Но связанный с этим первоначальный замысел был принципиально неосуществим, поскольку уже с первых шагов автор демонстрирует отклонение от важнейших смысловых исходных этого жанра в его западноевропейской версии. Там в основе всех концептуальных решений лежит признание принципиальной противоположности, иноприродности человека и мира, изначального конфликта между ними, определенного этим обстоятельством. Нарративная стратегия этой жанровой разновидности романа обусловлена поиском компромиссов, нивелирующих конфликт. Система воспитания и логика взросления героя направлены на решение прежде всего этой задачи. Гармония же идиллического мира Н. М. Карамзина, трактуемая здесь как естественное состояние детства, изначально исключала такую стратегию.

Ю. М. Лотман в «Сотворении Карамзина» указывает на то, что «через всю жизнь Карамзин пронес один особенно ему близкий образ — образ Дон Кихота» [Лотман: 309]. Это обстоятельство, по-видимому, сказалось и на названии романа — «Рыцарь нашего времени». В нем слышится отсылка к произведению и герою Сервантеса, для которого столкновение с современным социальным миропорядком является фактом, формирующим этот образ. Однако конфликт с социальным миром — это и конструктивный элемент романа воспитания в его европейской версии, причем конфликт этот здесь предстает как «изначальный», исходный в судьбе героя. На наш взгляд, все это — следы первоначального замысла Н. М. Карамзина, не получившего развития в

«Рыцаре нашего времени». Ориентация на романские формы, актуальные в европейском литературном пространстве, по-видимому, входила в некоторое противоречие с принципиальными основами формирующейся русской национальной художественной картины мира.

Предложенные нами наблюдения над особенностями модели детства в произведениях Н. М. Карамзина и Ж.-Ж. Руссо, по-видимому, указывают на существенные расхождения в трактовке целого художественной картины мира русского и французского авторов XVIII столетия, в разности их философских и, вероятно, религиозных взглядов на мир. Но в границах задач, поставленных в этом исследовании, мы считаем важным указать на очевидное различие их нарративной стратегии в раскрытии темы детства героя, которое носит совершенно не случайный характер и окажет существенное влияние на последующий русский историко-литературный процесс.

Список литературы

Источники

- Карамзин Н. М.* Сочинения: в 2 т. Л.: Худож. лит., 1983. Т. 1: Автобиография. Письма русского путешественника. Повести. 672 с.
- Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 424 с.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Терра, 1992. Т. 1: Детство. Юношеские опыты. 356 с.
- Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. 653 с.

Исследования

- Алпатова Т. А.* Ж.-Ж. Руссо и руссоизм в Письмах русского путешественника Н. М. Карамзина // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2013. № 6. С. 9–21.
- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Валлон А.* Педагогические и психологические идеи романа-трактата Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 2. С. 269–299.
- Верцман И. Е.* Жан-Жак Руссо. М.: Худож. лит., 1958. 270 с.
- Гончарова О. М.* Философские искания русских поклонников Ж.-Ж. Руссо (Н. М. Карамзин, Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев) // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, № 1. С. 252–263.
- Гуковский Г. А.* Карамзин // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1941. Т. 5, ч. 1. С. 55–105.

Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. Т. 1. 470 с.

Завьялова Е. Е. Игровая поэтика романа Н. М. Карамзина «Рыцарь нашего времени» // Н. М. Карамзин: русская и национальные литературы. Ереван: ИД Лусабац, 2016. С. 148–160.

Иовва Н. И. Нарративные ресурсы образного высказывания // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 124–129.

Канунова Ф. З. Карамзин и Стерн // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 258–264.

Краснощечкова Е. А. Bildungsroman на русской почве («Рыцарь нашего времени» Н. М. Карамзина) // Русская литература. 2002. № 1. С. 3–22.

Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: учебник. М.: Высшая школа, 2003. 415 с.

Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство–СПб, 2002. С. 383–446.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. 144 с.

Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. 270 с.

Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 19–24.

Шкловский В. Б. Повести о прозе. Размышления и разборы. М.: Худож. лит., 1966. Т. 1. 336 с.

Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. 176 с.

Янушкевич А. С. «Особенности романной эстетики в «Рыцаре нашего времени» Н. М. Карамзина // Художественное творчество и литературный процесс. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. Вып. 1. С. 15–25.

References

Alpatova, T. A. “Zh.-Zh. Russo i russoizm v Pis'makh russkogo puteshestvennika N. M. Karamzina” [“J.-J. Rousseau and Rousseauism in Letters of the Russian Traveler N. M. Karamzin”]. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*, no. 6, 2013, pp. 9–21. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let [Issues of Literature and Aesthetics. Research from Different Years]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)

Vallon, A. “Pedagogicheskie i psikhologicheskie idei romana-traktata Zh.-Zh. Russo ‘Emil’ ili O vospitanii.” [“Pedagogical and Psychological Ideas of the Novel-Treatise by J.-J. Rousseau ‘Emile, or On Education.’”] Russo, Zh.-Zh. *Pedagogicheskie sochineniia: v 2 t. [Pedagogical Essays: in 2 vols.]*, vol. 2. Moscow, Pedagogika Publ., 1981, pp. 269–299. (In Russ.)

Vertzman, I. E. *Zhan-Zhak Russo [Jean-Jacques Rousseau]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1958. 270 p. (In Russ.)

Goncharova, O. M. “Filosofskie iskaniiia russkikh poklonnikov Zh.-Zh. Russo (N. M. Karamzin, D. I. Fonvizin, A. N. Radishchev)” [“Philosophical Quests of Russian Admirers of J.-J. Rousseau (N. M. Karamzin, D. I. Fonvizin, A. N. Radishchev)”]. *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 19, no. 1, 2018, pp. 252–263. (In Russ.)

Gukovskii, G. A. “Karamzin” [“Karamzin”]. *Istoriia russkoi literatury: v 10 t. [The History of Russian Literature: in 10 vols.]*, vol. 5, part 1. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1941, pp. 55–105. (In Russ.)

Zhenett, Zh. *Figury: v 2 t. [Figures: in 2 vols.]*, vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo Sabashnikovykh Publ., 1998. 470 p. (In Russ.)

Zav'ialova, E. E. “Igrovaia poetika romana N. M. Karamzina ‘Rytsar' nashego vremeni.’” [“The Playful Poetics of N. M. Karamzin's Novel ‘A Knight of Our Time.’”]. *N. M. Karamzin: russkaia i natsional'nye literatury [N. M. Karamzin: Russian and National Literature]*. Yerevan, Lusabats Publ., 2016, pp. 148–160. (In Russ.)

Iovva, N. I. “Narrativnye resursy obraznogo vyskazyvaniia” [“Narrative Resources of Figurative Expression”]. *Vestnik VGU. Serii: Filologiiia. Zhurnalistika*, no. 3, 2018, pp. 124–129. (In Russ.)

Kanunova, F. Z. “Karamzin i Stern” [“Karamzin i Stern”]. *Russkaia literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye sviazi [Russian Literature of 18th Century and Its International Connections]*. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 258–264. (In Russ.)

Krasnoshchekova, E. A. “Bildungsroman na russkoi pochve (‘Rytsar' nashego vremeni' N. M. Karamzina)” [“Bildungsroman in Russian Context (‘A Knight of Our Time’ by N. M. Karamzin)”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2002, pp. 3–22. (In Russ.)

Lebedeva, O. B. *Istoriia russkoi literatury XVIII veka [History of Russian Literature of the 18th Century]*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2003. 415 p. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. “Russo i russkaia kul'tura XVIII – nachala XIX veka” [“Rousseau and Russian Culture of the 18th – Early 19th Centuries”]. Lotman, Iu. M. *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury [The History and Typology of Russian Literature]*. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2002, pp. 383–446. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. *Sotvorenie Karamzina [The Creation of Karamzin]*. Moscow, Kniga Publ., 1987. 336 p. (In Russ.)

Pashigorev, V. N. *Roman vospitaniia v nemetskoi literature XVIII – XX vekov [Bildungsroman in German Literature of the 18th – 20th Centuries]*. Saratov, Saratov University Publ., 1993. 144 p. (In Russ.)

Tiupa, V. I. *Horizonty istoricheskoi narratologii [Horizons of Historical Narratology]*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2021. 270 p. (In Russ.)

Tiupa, V. I. “Zhanrovaia priroda narrativnykh strategii” [“The Genre Nature of Narrative Strategies”]. *Filologicheskii klass*, no. 2 (52), 2018, pp. 19–24. (In Russ.)

Shklovskii, V. *Povesti o proze. Razmyshleniia i razbory [Tales About Prose. Reflections and Analyses]*, vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966. 336 p. (In Russ.)

Eidel'man, N. Ia. *Poslednii letopisets [The Last Chronicler]*. Moscow, Kniga Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)

Ianushkevich, A. S. “Osobennosti romannoii estetiki v ‘Rytsare nashego vremeni’ N. M. Karamzina” [“Features of the Novel Aesthetics in ‘A Knight of Our Time’ by N. M. Karamzin”]. *Khudozhestvennoe tvorchestvo i literaturnyi protsess [Artistic Creativity and Literary Process]*, issue 1. Tomsk, Tomsk University Publ., 1976, pp. 15–25. (In Russ.)